

Л. П. КАРСАВИН

О СОМНЕНИИ,
НАУКЕ и ВЕРЕ

(ТРИ БЕСЕДЫ)

ЕВРАЗИЙСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИН 1925 г.

О СОМНЕНИИ, НАУКЕ И ВЕРЕ

Случайно мне пришлось быть слушателем трех разговоров, содержание которых мне представляется более чем современным и, смею думать, не бесполезным. Место их, как то ни странно (впрочем, много странного в современной России), — общая камера одной из большевицких тюрем. Как сейчас, мне вспоминается выведенная большими буквами на стене надпись: «Мы не мстим, а исправляем», смысл которой неожиданно оправдался в последнем из слышанных мною разговоров. Нас сидело в камере человек семьдесят, хотя рассчитана она была не более, чем на тридцать. И мы, люди самого разнообразного социального положения и образования, самых разных возрастов (от 11 до 65 лет), проводили дни не в совершенном голодании — «передачи» помогали, — но в совершенном безделье. Вставали рано — как только приносили кипяток для «чая» — и еще ранее — с наступлением сумерек — заваливались спать: кто на нары (обычно по двое, а то и по трое), кто на столы, кто — за недостатком места — и просто на пол. По выслуге недель тюремного заключения — все мы считались под следствием, но «следователи», кажется, о нас забыли — мне досталась половина нары у стенки с помянутою уже надписью. Передо мной, на той же наре лежал (по большей части и днем), застилая меня, один из собеседников, человек лет пятидесяти, как будто из тех, которые любили себя называть «эволюционными социалистами», а может быть — и социалист-революционер: мы этим не интересовались. Как обнаружилось потом, он был далеко не тверд в социалистических своих убеждениях, вопреки им много думал и читал, знаком был и с философией, раньше преподавал где-то литературу — его называли «учителем», в тюрьму же попал — как «фальшивомонетчик». — В целях раскрытия денежной контр-революции ГПУ без разбора сажало в тюрьму всех, кто хотя бы и не по своей вине, а по неведению попадался в размене

фальшивого кредитного билета, и после первого допроса на неопределенно долгое время о них забывало. Против нас, т. е. собственно против него, помещался на другой наре один помещик из средней России, посаженный уже давно и, за что, неизвестно. Это был очень живой и деятельный, судя по его рассказам — даже практический человек. В свое время — ему было уже за 60 — он усердно, с увлечением и, можно сказать, убежденно занимался своим хозяйством, вводил какие-то усовершенствования, но вместе с тем был человеком с очень большим и разносторонним образованием, с любовью пофилософствовать и поспорить. Почти весь день он разгуливал по камере, прислушиваясь к тому, что говорилось, подсаживаясь к другим и ввязываясь в разговоры, в которых его никогда не покидали добродушие, некоторая насмешливость и считающаяся с нею искренняя простота. Он был естественным центром духовной нашей жизни; и камера полу-шутливо, полу-уважительно называла его «отцом», кажется, потому, что так случайно, хотя и по распространенному в народе обычаю обратился к нему кто-то из заключенных при первом появлении его в камере. Это наименование удержалось и своеобразно осмыслилось. Не желая называть собеседников по именам, удерживая его (как и прозвище моего соседа по наре — «учитель») и я.

Из всех бесед, центром своим имевших «отца», наибольшее впечатление произвели на меня три, которые я далее воспроизвожу и которые до сих пор памятны мне до мелочей. Поводом к первой из них, собравшей в нашем углу целую аудиторию, живо отзывавшуюся на нее своими возгласами, послужил сидевший вместе с нами, впрочем недолго, комсомолец Вознесенский. Сидел он по причине, которую изложил — и, видимо, с намерением — совершенно невразумительно, держал же себя очень шумно и как-то безобидно-вызывающе. Всегда он чем-то возмущался или — к большому неудовольствию всех — рецитировал свои комсомольские стишки, время от времени «задирая» «отца», казавшегося ему оплотом «международной буржуазии». Однако связываться с ним, по видимому, боялись. Громко и явно никто его не осуждал, разве — с наступлением сумерек.

Беседы, как я уже сказал, удержались в моей памяти очень ярко и точно. К сожалению, не обладая литературным талантом, я не в силах передать их стиль и должным образом охарактеризовать участников. Несколько раз я пытался изложить их содержание в форме связного рассуждения. Но эти попытки скоро

меня убедили в том, что плохая передача диалога лучше, чем его переделка в трактат. Есть особое, «диалектическое» течение мыслей, которое может выразиться только в разговоре и никак иначе. По отношению к нему, характеристика действующих лиц и подделка под их стиль, кстати — всегда заметная, являются чем-то внешним, часто — нарушением какой-то существенной формы диалога и, следовательно, самой мысли. И я не умею себе иным образом объяснить склонность к диалогической форме у многих философов, совершенно лишенных дара так называемого «художественного» диалога.

1

Однажды вечером, когда все уже ложились, кое-где негромко разговаривали и время от времени слышались отдельные шутки и смех, комсомолец присел на нашу нару, в ноги к «учителю» и, покуривая папироску, обратился к «отцу». —

Комсомолец. Хорошо, что идолов-то у вас отобрали. Образованные люди, а идолам молятся!

Отец. Почему же вы считаете иконы идолами? — Самый необразованный человек не иконе молится, а тому, что на ней изображено. Богом иконы никто не считает; даже дикарь не считает идола Богом. Таких людей, которые бы считали, что икона — Бог, а не изображение Бога, я что-то не видывал. Вы — первый.

Комсом. Это, знаете, все одно!.. Изображение!.. Боженька то ваш тоже хорош! — Стоит на небе трон, а на нем старичок вроде царя сидит, а вокруг его голубь летает. Ну и Боженька? А как на небе-то трон стоять может, да не провалиться... Вот что скажите!.. Суеверие!

От. В такого Бога никто и не верит. Опять-таки самый необразованный человек представляет себе Бога иначе. Что же вы думаете, что ваш Маркс похож был на его портреты и статуи, которые везде повывставлены? У некоторых из них от дождей нос провалился или затылок отлетел. А думаете ли вы, что Маркс был без носа и без затылка? Скажите, ясно вы себе представляете коммунистическое общество?

Комсом. Совершенно ясно, товарищ.

От. А знаете вы, какие в этом обществе будут машины, одежды, люди? Конечно, если само оно будет. Ведь не знаете. Многие пробовали себе его представить, романы даже писали о том, какие, например,

Иконы, как только изображения Бога, и представления о Нем ему не соответствуют.

в будущем обществе будут вместо зонтиков навесы над улицами, какие в нем будут талоны вместо денег. Будет ли все это, даже если будет социалистическое общество? — Сомневаюсь. Когда мы представляем себе неизвестное или плохо известное, мы всегда представляем себе его неточно. И все таки в этих «общественных зонтиках» может заключаться и правда: если например, в будущем обществе станут заботиться не об отдельных людях, а о всех, и все люди одинаково будут бояться дождя. Как то нам нужно думать о будущем; и мы думаем о нем приблизительно, с помощью воображения. Воображаемое нами заведомо неверно, но в нем есть и нечто верное, о чем иначе, как приблизительно, нам не помыслить, а помыслить мы хотим. Точно также мы думаем и о Боге. Каков Он на самом деле, никто не знает; но всякий представляет Его себе по своему, чтобы какнибудь о нем мыслить, и прекрасно сознает, что его представление приблизительно. Станете ли вы отрицать социализм потому, что простой рабочий представляет его себе очень плохо и неверно? — Не станете. Отчего же вы отвергаете Бога потому, что многие неверно себе Его представляют? И даже подумать не хотите, считают ли они свое представление о Нем правильным.

Комсом. Все равно, товарищ, Бога нет.

Что мне поп и что раввин,

Храм и синагога!

В силу множества причин

Я не верю в Бога.

Отец. Не укажете ли вы мне тогда хоть несколько причин вашего неверия?

Комсом. Решительно не стоит, товарищ! Спорить не хочу с этим предрассудком всемирной буржуазии. Сила, знаете, солому ломит. Да! А всякий всемирный пролетарий помнит завет Ильича — ненавидеть Боженку, как личного врага.

От. Ну вот, все вы сами говорите, что Ленин ненавидел Бога, как личного врага. А разве можно ненавидеть то, чего нет? Как будто выходит, что Ленин-то в Бога верил. Скажи я, что верю в змея Горыныча, — вы не станете этого змея ненавидеть, потому что знаете, что его нет. Откуда такая ненависть к Богу, если Бога не существует? Нет ли в вашей ненависти к Богу веры в Него? Думаю, что есть.

Комсом. Это вы, товарищ, оставьте! Я в ваших университетах не учился и слов переворачивать не умею. Так что я говорю по пролетарскому сознанию. Ильич, знаете, сказал: «религия для народа опиум».

Ненависть к Богу свидетельствует о вере в Него и не позволяет —

на веру принять отрицание религии.

От. Во первых, это сказал не Ильич, а Маркс; Ильич же только велел написать на стене, против Иверской часовни в Москве. А во вторых, почему же нам с вами верить тому, что кто-то сказал? У нас своя голова на плечах. Одни говорят, что Бога нет; другие что Он есть. Тут нам и надо разобраться.

Комсом. Ну, знаете, образованные в Бога не верят. Бога выдумала буржуазная контр-революция, чтобы лучше эксплуатировать рабоче-крестьянскую власть.

От. Ошибаетесь. Я могу назвать вам много и образованных и ученых людей, которые в Бога верили и верят. Современную математику и физику создали Декарт и Ньютон. Оба в Бога верили, а Ньютон написал даже толкование на Апокалипсис. Верил в Бога Дарвин. Верили основатели европейского социализма — Сен-Симон, Фурье и другие. Да и теперь много ученых, которые в Бога верят. Таких, может быть, большинство.

Комсом. Напрасно, товарищ, вы зубы мне заговариваете. Наука ваша — буржуазная. А ваши ученые — прихвостни всемирного капитала.

От. А верующие в Бога социалисты?

Комсом. Без сомнения, тоже прихвостни. Научный социализм доказал, что религия — опиум.

От. Тут я не совсем вас понимаю. — Вы говорите, что наука буржуазна. Вы отвергаете верующих социалистов за то, что они не научны. Если наука буржуазна, так научный социализм — то же самое, что буржуазный социализм. Значит, научному социализму никакой цены нет.

Комсом. Повторяю вам, товарищ. — Капиталистически переворачивать слова я не учился, а говорю по пролетарскому моему происхождению. Пролетарская наука есть настоящая наука, а буржуазная наука гроша ломаного не стоит.

От. Ну а материализм — настоящая наука?

Комсом. Без всякого сомнения, настоящая.

От. Так вот первым материалистом (или почти первым) был греческий философ Эпикур. А он и его последователи — настоящие буржуи. В восемнадцатом веке во Франции, а потом вслед за французами и у нас в России проповедовали материализм люди по большому числу обеспеченные, даже богатые. Выходит, что материализм (а с ним и атеизм) — барская затея, только перенятая людьми простыми и бедными. Напротив, первые христиане, как вы сами знаете, были рыбаками, мелкими и бедными ремесленниками, рабами, а в Бога и в Иисуса Христа верили. Если уж

Не состоятельна и ссылка на людей образованных и науку. Ибо —

большинство ученых в Бога верит.

Различение же науки буржуазной и социалистической нелепо. Оно ведет

к отрицанию „научного социализма“ и —

объективно-ложно. Ибо именно материализм, социализм и атеизм по происхождению своему буржуазны,

а христианство — народно.

говорить о пролетарском происхождении, надо признать пролетарскою как раз веру в Бога, буржуазными же — материализм, атеизм и социализм. Первые социалисты вышли не из народа. Это — в Греции философ Платон, в Бога, впрочем, веривший...

Кроме того «ученые» социалисты учились

буржуазной науке и вышли не из народа.

Комсом. Какой же он после этого марксист?

От. Тогда Маркса еще не было, а социалистом Платон все таки был. Дальше — в Западной Европе социалистами были монах Кампанелла, ученый и богатый человек, даже министр Томас Мюрс, аристократ Сен-Симон, священник Мабли, действительный эксплуататор народа Бабеф. Да и Карл Маркс и Лассаль — люди ученые и не бедные, самые настоящие буржуа. Ленин из дворян, а другие ваши «вожди» сначала учились «буржуазной» науке, хотя, правда, и плохо. Разве всем верховодит «крестьянин» Калинин? — Сами знаете.

Ссылаться в оправдание социалистических и атеистических утверждений на любовь социалистов к народу тоже нельзя,

Комсом. Это ничего, что Ильич был дворянином. Он зато возлюбил пролетариат.

От. Пускай даже так. Пускай и Ленин, и Луначарский, и Зиновьев очень любят народ. Не можете же вы отрицать, что и социалисты, и несоциалисты, и неверующие, и верующие, учились одной науке, которую вы называете буржуазною, что социалисты, сначала были либо дворянами, либо буржуями, либо поповичами, либо чиновниками. Много ли среди них крестьян, да рабочих? — По пальцам перечесть можно. Почему же одних вы считаете правыми, а других виноватыми, одних ученых — буржуазными, а других — настоящими? Разве вы сами превзошли всю ученость?

Комсом. Я скажу вам, почему, товарищ. — Потому что наши стоят за нужды пролетариата, за рабочих и крестьян и за народ.

так как по делам их этой любви не видно и мнения народа они не спрашивали,

От. Сами знаете, как стоят и какой рай получается. Вот и вас вместе со мною в одну тюрьму засадили, несмотря на ваше пролетарское сознание. О том, что делается, лучше и не говорить.

Комсом. Делается-то делается, а кто виноват? — Акулы всемирного капитала. Кто мешает победе пролетариата? Кто отрывает рабочего от станка? — То-то. Оттого-то, знаете, и пролетарский террор. Не мешали бы нам, — давно бы рай наступил.

От. Сомневаюсь. Сами вы себе мешаете. А хотите ли ваших реформ и вашего безбожия народ, о том вы его не спрашиваете.

Комсом. Потому, что он несознательный.

От. Ну, а все коммунисты сознательны? Все атеисты сознательны? Сами то вы читали серьезные книги

о Боге и безверии? Ничего, кроме комсомольских листовок не читали. И просто другим на слово поверили. А почему? — По пролетарскому сознанию? Да, разве оно безгрешно и ошибаться не может? И пролетарское ли, народное ли сознание у вас? Ведь вы всех не опрашивали. По глазомеру же не социалистов и верующих в народе больше.

кого, повидимому, верующих и не социалистов в народе больше.

Комсом. Вы, товарищ, меня сбиваете.

От. И не думаю сбивать. Я лишь указываю вам, что вы тоже верующий, только не в Бога.

Комсом. А вы, товарищ, несознательный. Знаем мы этих верующих! Каждый поп не о Боге, а о пузе своем думает. Небось, как прижали их хорошенько, так и завопили: «веруйте в Бога, а нам несите денежки!» А кто при царизме угнетал народ? А что интеллигенция то в Бога заверила, так это, знаете, немногого стоит. Притиснули, так и в церковь побежали. «Помоги, мол, нам, Боженька, снова придушить рабоче-крестьянскую власть». Только нет! — Теперь конец вам пришел, крышка! Царству пролетариата не будет конца.

Равным образом неправильно обвинение верующих и духовенства в неапативности к народу.

От. И тут-то вы только переиначиваете слова христианской молитвы, которые, наверно, так переиначивенными прочли на Литейном.

Комсом. На проспекте Володарского, товарищ. Вы, хоть и в тюрьме, а декретов рабоче-крестьянской власти не нарушайте. Написано «Володарского», так и говори «Володарского». И Боженьку своего с маленькой буквы пиши.

От. Чего вы вз'елись-то? Сами же в тюрьме сидите.

Комсом. Я, знаете, по партийному делу.

От. По партийному или не по партийному, а сидите. Не я с вами, а вы со мной разговор начали. Так уж и меня послушайте.

Комсом. Спать пора, товарищ! Чего там слушать!

От. Вот возьмите ка мою папироску. — Вы ошибаетесь, думая, будто цари и попы о народе не думали. Наверно, думали, раз народу жилось лучше, чем сейчас. Забота измеряется делами, а не словами, да прокламациями. И не справедливо, что все попы и все верующие — враги народа. Многие верили и верят искренно, а не по личному интересу.

Факты говорят о противоположном.

Комсом. Конечно, есть несознательные.

От. Опять вы за свое. Не хотите вы видеть хороших людей! Мало ли епископов, монахов, священников кровью своею заплатило за веру, а не за контр-революцию. Ведь оттого, что вы меня назовете контр-ре-

волюционером, я им еще не сделаюсь. А вы всякого готовы считать контр-революционером. А как умирали многие священники! Иные благословляли убийц и молились за них. Один священник, уже старик, когда расстреливали через десятого, сам стал на место молодого. Какая уж тут контр-революция! Вы этих случаев не знаете, потому что знать не хотите. Я же видел священников и в городе и в деревне, которые в 19-ом году голодали вместе со своей паствой и делились с нею последним куском, да еще находили в себе силы утешать и ободрять других. И во время революции и до революции много было среди духовенства людей хороших и даже праведных. Есть много и теперь.

Комсом. Я же сказал, товарищ, что есть несознательные.

С другой стороны, нравственный уровень верующего еще ничего не дает для опровержения его веры.

От. Как у вас язык поворачивается так их называть! Но как бы вы их не называли, вы не станете отрицать, что они не по личной выгоде, а искренно верят в Бога. Скажите. — Коммунисты хотят добра народу? — А есть ли среди них плохие люди или все они ангелы?

Комсом. Везде есть шкурники.

От. Отчего же нельзя быть плохим людям и среди верующих? А легче ли сейчас живется народу, чем до революции? Бунтов нет? Расстрелов нет?

Комсом. Это временно, знаете. Борьба со всемирным капиталом.

От. С капитализмом, хотите вы сказать. Без капитала то и коммунизм не обойдется.

Комсом. Ну, нет! Без капитала мы обойдемся.

От. Попробуйте. — Временно или нет, а при коммунизме живется плохо. Худых же людей среди коммунистов не мало. Может быть, конечно, что всегда худых людей будет больше, чем хороших. Может быть, всякая власть всегда будет руководствоваться интересами тех, у кого она в руках, по крайней мере — до некоторой степени. Но из того, что среди коммунистов есть «шкурники», по вашему не следует, что коммунизм — ложь. Почему же из того, что многие верующие были плохими людьми и часть духовенства чрезмерно заботилась о себе, должно следовать, что нет Бога? Даже если бы все верующие (чего на самом деле нет) были людьми худыми и думали только о себе, на основании этого нельзя бы еще было сказать, что вера их ошибочна.

А поскольку вера необходимо выражается в делах, вывод получается не в пользу коммунистической веры, но в пользу христианства.

Комсом. Какая же это вера, которую держат за пазухой!

От. Верно — плохая и слабая, мертвая, так как вера без дел мертва, о чем и в Евангелии написано. Но то же самое можно сказать и о коммунизме, да еще в большей степени. Хороших дел он еще не наделал, и сомнительно, что наделает, все же, что сделали коммунисты, хуже, чем дела старого режима. А потом — видно — не совсем плоха православная вера, если были и есть в ней праведники и мученики. Если вы хотите опровергнуть веру в Бога тем, что она буржуазна, — вы должны отвергнуть и коммунизм, потому что он-то несомненно буржуазного происхождения. Если вы опровергаете веру в Бога тем, что верующие поступали и поступают плохо, не по христиански, — то же самое в еще большей мере должно быть применено к коммунизму. Если же вы ссылаетесь на то, что коммунизм — вера пролетарская или народная, так это неверно. На самом деле христианство появилось не в среде буржуазии. Первые христиане не были ни помещиками ни капиталистами, а вышли из народа и жили в народе.

Комсом. У нас не первые.

От. Что же из этого следует? — Надо стать не коммунистами, а настоящими христианами; и стать по христиански, по правде, а не с помощью насилий, убийств и революций. Попытка совсем перестать быть христианами, т. е. сделаться коммунистами, к добру не привела. Во всяком случае, из того, что мы, христиане, испортились, не следует, что нет Бога. Где же ваше «множество» причин не верить в Него? Если бы их было много, вы бы могли указать хоть одну. А то вы ссылаетесь только на вашу коммунистическую веру. Вы верите, что коммунисты правы; верите, так как никто вам этого не доказал и никого вы о доказательствах не спрашивали. Вы верите, что коммунисты хотят народного блага и осуществят свое хотение. В своей вере вы почему то не сомневаетесь, хотя она происхождения буржуазного, но, сваливая с больной головы на здоровую, обвиняете в буржуазности — и несправедливо обвиняете — веру христианскую. Вы верите, что ваша вера — народная, хотя даже большинства пролетариата не опросили, во что он верит. Тех же, кто не разделяет вашей веры, вы считаете «неосознательными», хотя бы они были в тысячу раз образованнее и нравственно лучше, чем все ваши коммунисты, вместе взятые. Где же доказательства вашей «сознательной» веры?

Комсом. Да, отвяжитесь, товарищ! Надоело мне с вами язык то чесать. Вы самых простых вещей не

понимаете. Нет у вас, знаете, пролетарского сознания; и за дело вас в тюрьму посадили.

От. А вас?

2

Последний вопрос «отца» прозвучал уже «в пространство», так как комсомолец сердито встал и удалился, что то негромко бормоча себе под нос — может быть, он был смущен, а может быть — побаивался сгрудившихся во тьме и явно стоявших не на его стороне слушателей. Разошлась и аудитория. «Отец» продолжал сидеть и молча курил. Но в это время к нему неожиданно обратился мой сосед по наре, «учитель».

Учитель. Я все время прислушивался к вашему спору; и мне все время казалось, как и продолжает казаться, что он был совершенно бесполезен. Комсомольца вы не убедили; одержать же над ним внешнюю победу и добиться сочувствия наших товарищей по несчастью было не трудно, но, пожалуй, и труда не стоило.

От. А что вы скажете, если «победа» нужна была именно им, нашим, товарищам по заключению? — Они его опровергнуть не могут. — Они его побаиваются; у них язык и мысль связаны еще более, чем у него. А им нужно как-то увериться в своей правоте. И они ищут и ждут помощи от нас, умеющих и могущих говорить.

Учит. Помощь ли это? — Вы одержали верх над комсомольцом, но победа ваша является лишь внешнею победою, а потому и непрочною. Разумеется, он не умен и не добросовестен. Однако в основе его воинствующего атеизма могут лежать и некоторые серьезные мотивы, которые нужно было вскрыть и, если возможно, разрушить. Я согласен, что наивными и неточными ссылками на науку атеизма не доказать, ибо не мало ученых, которые в Бога верят, часто, сказал бы я, верят слишком наивно. Согласен также, что нелепо опровергать веру указанием, да еще сомнительным или неправильным, на ее происхождение и будто бы классовую природу. Однако, устранив все это, вы еще не доказали, что вера имеет основание, а не является человеческою иллюзией. Может быть, вера — субъективное свойство, которое у одного есть, а у другого отсутствует, и никто не в состоянии убедить других в законности и правильности своей веры. Само собой понятно, что вера в Бога — большое утешение, особенно при нынешних тяжелых обстоятельствах или здесь, где не «мстят, а исправляют». Но что прикажите делать,

Мотивом и основанием неверия может быть сомнение в содержании веры,

если я, например, по совести могу принять только доказанное моим разумом и, при всем желании приобрести веру, не хочу во имя чувства человеческого достоинства и своей свободы закрывать глаза. Возможно, что нечто подобное, хотя и в очень примитивной форме, испытывает наш комсомолец. Я не знаю, есть Бог или нет Бога, и не хочу обманывать себя ни в ту ни в другую сторону.

не дающее, впрочем, права отрицать бытие Божие категорически.

От. Вы, значит, сомневаетесь?

Учит. Да, сомневаюсь.

От. Если ваше сомнение не равнодушие, я вам не завидую. Вас тогда жалеть надо.

Учит. Может быть. Но выхода ни вы ни кто другой мне не укажут; и всякие споры о вере бесплодны.

От. Зачем же тогда вы спорите со мною? Видно, что-то у вас болит. Видно, есть у вас какая-то, пускай, самая слабая, надежда: «а вдруг, ктонибудь мне и докажет, что Бог существует». Думаю, вы не совсем ошибаетесь. Надо только беспристрастно подойти к вопросу. Если вы хотите сомневаться, если любите именно свое сомнение, — вы не беспристрастны. В этом случае вы уже закрыли глаза, чтобы не видеть доказательств. Но неверно, что «научно», доводами разума бытие Божие совсем недоказуемо; хотя неверно, что доводами разума или «научно» оно доказуемо вполне и до конца. В достаточной мере Бог дан не горделивому разуму, а смиренной вере. Бог уходит от человека, если человек любит только себя и свое сомнение, если он в сомнении своем упорствует. Для того, чтобы победить сомнение, необходимо не упорствовать в нем, а верить и любить.

Необходимо по этому рассмотреть сомнение беспристрастно, т. е. не упорствуя в нем, во что бы то ни стало, и

Учит. Но как же я могу верить, если мне не позволяет этого мой разум? Я не хочу отказываться от моего сомнения потому, что не хочу быть неискренним с самим собою. Вы же предлагаете мне отвергнуть мои сомнения, ибо они для меня тяжелы, и сделаться слепым и не рассуждающим рабом того, во что верят и чем счастливы другие.

От. Вы смешиваете веру с необоснованным доверием. Необоснованное доверие, действительно, слепо и унижает человека, ограничивая его свободу. Вера же совсем не слепа, свободна и обоснована лучше всякой науки. И вы напрасно предполагаете, будто сейчас вы не раб многих ходячих непроверенных мнений и не раб самого вашего сомнения. Желаете — рассмотрим оба эти вопроса.

не смешивая веры с необоснованным доверием, тем более, что даже сомневающийся во что то верит.

Учит. С большою охотою. Но раньше, вы, кажется, сказали, что можно, хотя бы и не вполне, до-

казать бытие Божие с помощью разума. Я бы очень не прочь обновить запас известных мне аргументов или встретится с действительно убедительными.

Этим определяется план беседы. — Надо показать господство необоснованного доверия, раскрыть смысл веры и уяснить доводы в пользу бытия Божьего.

От. Тогда наметим такой план нашей беседы. — Сначала я постараюсь показать, что ваши убеждения, знания и даже сомнения есть вид необоснованного доверия или недостаточно осознанной веры. Затем попытаемся выяснить, что такое истинная вера. Наконец, уясним себе доводы разума в пользу бытия Божьего. Согласны?

Учит. Согласен и готов вас слушать.

На необоснованном доверии покоится вся наша деятельная жизнь и наше знание. —

От. Вся наша деятельность и все наше знание основаны не на том, что доказано разумом, а на доверии. Мы ездим по железным дорогам и летаем на аэропланах только в силу доверия — потому, что много раз видели их правильно действующими, и потому, что о них говорили нам другие. Но, как бы много случаев мы ни знали, не могут нам быть известными все случаи. Вполне возможно, что этот именно поезд не пойдет, а полетит по воздуху, что тот именно аэроплан провалится сквозь землю. Конечно, мое предположение и вам и мне самому кажется нелепым. Но почему же мы так уверены в его пелеюсти?

Разумом не доказуемы ни общие суждения ни

Учит. Потому что не было ни одного случая, который бы его подтверждал, но все случаи подтверждают обратное.

От. Из того, что случай летания поезда по воздуху нам неизвестен, еще не следует, что такой случай невозможен. Мы даже не вправе сказать, что его нигде и никогда не было. У нас нет права говорить обо всех случаях, но — только об известных нам случаях, которых вовсе не так много. Всех случаев мы никогда не узнаем, так как большинства их еще и не было.

законы природы.

Учит. Предположение ваше противоречит законам природы.

От. Может быть, законы природы таковы, что до утверждения рабоче-крестьянской власти, до «скачка из царства необходимости в царство свободы» поезда должны были ходить по земле, а аэропланы летать, с наступлением же этого царства все будет наоборот. До сих пор, по крайней мере, «наоборот» являлось лозунгом советской власти. Заметьте, что на таком именно отношении к законам природы покоятся весьма расстроженные оккультистские мнения. Эти мнения, можно сказать, питаются отрицанием того, что для нас с вами представляется необходимым и доказанным. Вы знакомы, конечно, с теорией относительности. Очень по-

казательны выводы из нее, которые делаются и учеными и даже просто образованными людьми. — По времен Коперника законом природы считалось, что земля обращается вокруг солнца. Теперь многие сторонники теории относительности возвращаются к Птолемею и говорят, что солнце ходит вокруг земли.

Учит. Это не вытекает из теории относительности, так как...

От. Вполне с вами согласен. Меня несколько не занимает правильность геоцентризма. Посмотрите, с какою горячностью многие его защищают. Чего же после всего этого стоит наша уверенность в законах природы? Не на доверии ли основывается их признание?

Учит. Мы всегда сами можем проверить любой закон.

От. В этом я сильно сомневаюсь. Дайте ка мне строгое доказательство законов Ньютона без знания высшей математики. А с высшей математикой знакомо меньшинство, тогда как в законах Ньютона уверены все образованные люди. Ссылки вроде: «наука доказала», «наукою установлено» — ссылки невежд и собственно говоря не что иное как деликатное выражение мыслей: «я верю, что наука доказала», «я верю, что наукою установлено». В обычном словоупотреблении «научный» значит «принимаемый на веру». Никому и в голову не придет утверждать, будто он видит солнце потому, что это «научно». Очевидность и несомненность никогда «научными» не бывают. «Научное» всегда есть «сомнительное».

„Научное“ равнозначно „сомнительному“.

Учит. Но в области точных наук, в математике, например, дело, может быть, обстоит и иначе?

От. Если бы даже было так, подавляющему большинству людей и самих ученых — ведь энциклопедисты в подлинном смысле слова невозможны уже давно — от этого не легче. Но и в «точных науках» картина получится та же самая. Современная физика строится на теории вероятностей, геометрию пытаются сделать отделом физики, математика бессильна доказать свои аксиомы. Я не утверждаю, что нет абсолютно достоверного знания. Я думаю, что оно есть. Но я утверждаю, что достоверность его не может быть обоснована разумом, как вы его понимаете и как обычно его понимают. По этому разумное обоснование самой точной науки приводит или к недоказанной гипотезе, к вероятию, или к религиозной вере.

даже для ученых.

Учит. Если согласиться с вами, то невозможны какая либо деятельность и жизнь.

Тем не менее
жить на основе
одних вероят-
ностей нельзя,

От. К тому я речь веду. — Раз мы живем и действуем, мы руководимся не доводами разума, т. е. в последнем счете не ими. Мы живем верою. И у так называемого неверующего нет ни малейших оснований превзноситься перед верующим: он тоже верит, только верит в другое. Почему же ему не переменить веру?

Учит. Согласимся с этим. Но я не вижу, зачем мне менять веру. \square моею верою я живу, действую и, в общем, довольно сносно. И если нельзя с полною необходимостью доказать, что законы природы существуют, в высокой степени вероятно, что они есть, хотя бы мы их и знали лишь приблизительно. Вероятия мне достаточно.

хотя бы даже на
первичной для
всех вероятно-
сти бытия
Божьего.

От. Признаться, по такому вероятию жить бы мне не хотелось, да, думаю, и вам тоже. Но мне кажется, что здесь как раз вы неискренни с самим собою. Допуская, что существование законов природы вероятно, мы допускаем, что вероятно существование чего-то незыблемого, безусловного или абсолютного. Но безусловное или абсолютное есть Бог. Значит, мы допускаем вероятность того, что существует Бог; и живем мы верою в Бога, хотя этого и не знаем.

Учит. Вероятность не совпадает с достоверностью.

И практически
мы живем, ис-
ходя не из веро-
ятности, а из
достоверности.

От. Конечно. Но вдумаемся немного в это. Если есть безусловное (а вероятно, что оно есть), почему не может быть и безусловного, т. е. достоверного, знания о нем? И откуда у нас мысль о безусловном и достоверном, если его нет ни вне нас ни в нас? Из ничего, ничего не бывает. Мы убедились в том, что разумное знание — ведь, в конце концов, можно усумниться и в самом разуме — не может быть безусловно-достоверным и несомненным: оно лишь вероятно. Но мы отнюдь еще не доказали, что вообще нет и не может быть никакой достоверности. Возможно, что она и есть. Нам ясно даже, что, если она есть, она как то связана и с нашею деятельностью. Обратите внимание на один любопытный факт. — Мы признали вероятность того, что есть нечто безусловное. Но вероятностью ли его руководимся мы в нашей жизни? Разве на самом деле мы живем и действуем по вероятию? Разве мы не безусловно, не абсолютно уверены в существовании и некоторых «каких то» законов природы? Доводами разума мы убеждаем себя, что живем и действуем по вероятию; практически же мы живем и действуем на основании абсолютной уверенности. Если ограничить себя только доводами разума, никогда

не удастся устранить всякое сомнение в существовании внешнего мира и других людей. Может быть, я только сплю; может быть, все мне только «кажется». Но кто же из нас считает существование внешнего мира и других людей только вероятным? Очевидно, есть какое-то знание, более достоверное, чем знание с помощью разума. Ведь мы уверены (а не предполагаем только), что мир существует. Мы уверены (а не считаем только вероятным), что есть истина, есть нечто безусловное.

Учит. Откровенно говоря, я этого не знаю, но сомневаюсь во всем и ни в чем не уверен. Еще в повседневной жизни я, пожалуй, замечаю в себе ту безусловную уверенность, о которой вы говорите, т. е. не сомневаюсь, например, в бытии мира. Но стоит мне об этом подумать, как сейчас же возникает сомнение в безусловности моей уверенности.

Сомнение в этой достоверности

От. А вы больше живете и действуете, чем размышляете, или наоборот?

Учит. Разумеется, больше живу, хотя я человек и не особенно деятельный. Но это не меняет дела.

От. Этим, все-таки, многое объясняется, как и склонностью вашей здесь, в тюрьме по возможности реже менять свою положение: вы почти все время лежите. Вы пассивны и ленивы. Но совершенно верно — как всякий человек, вы меньше думаете и сомневаетесь чем действуете. В деятельной вашей жизни у вас есть — вы сами это признали — и безусловная уверенность и уверенность в чем-то безусловном. Вам кажется, что в минуты вашего сомнения вы теряете безусловность вашей истины: вы сомневаетесь в ее безусловности. Если бы вы даже были правы (и — замечу в скобках — вполне здоровы, так как считаю ваше сомнение болезнью), отсюда не следовало бы, что безусловной истины нет. В самом сомнении вашем вы не решитесь сказать, что ее безусловно нет, что нет безусловного. Ведь тогда бы отсутствие безусловной истины и было безусловной истиною. Тогда бы вы уже нашли безусловную истину и не сомневались. Итак безусловная истина до вашего сомнения — когда вы жили не уединенным размышлением, а всею полнотою деятельности — для вас существовала. Когда же вы стали уединенно размышлять, она с вами рассталась. Очевидно, истина не вы сами и не вами создана. Как бы в этом случае могли вы с нею расстаться? Как бы вы, не будучи безусловной истиною (а ведь вы и в своем существовании можете усумниться), могли ее создать? Если же истины еще и вообще нет, как могли вы ее когда либо воспри-

возможно только на основе абсолютной достоверности, которая

нимать и как можете о ней думать? Тогда бы не было у вас и чувства достоверности.

не может быть иллюзией.

Учит. Мое восприятие и это чувство могли быть психологической иллюзией.

От. Вы воспринимаете истину не как иллюзию, и вспоминаете о ней не как об иллюзии. Вы только вашим разумом предполагаете, что она могла быть иллюзией. Но каким образом знаете вы об иллюзии и отличаете иллюзию от истины, раз не знаете, что такое истина? Откуда знание о безусловной истине, о чем то достоверно существующем, если эта истина, если это достоверно существующее не существуют ни вне человека ни в качестве человека? Поэтому, если, сомневаясь, вы уже не знаете достоверного, а знали его раньше, — достоверное раньше было с вами, а теперь вас покинуло. Но точно ли оно вас покинуло! Действительно ли вы с ним расстались? Не живет ли оно еще с вами, хотя и какую-то бледную тенью? Как я сказал, если человек сомневается, истинно или не истинно познаваемое им, он уже знает, что такое истина. Сомневаться можно только на основе несомненного или из несомненного. Сомнительное есть не достоверное, не несомненное, а несомненное есть достоверное и первичное. Сомнение — недостаток достоверности, которая богаче, полнее сомнительного. В сомнительном, как таковом, нет несомненного, хотя сомнительное есть и таково потому, что есть несомненное. И естественно, что полнота жизни и деятельности связана с чувством достоверности, а в сомнении жизнь умирает. Сомнение и есть умирание. Предел сомнения — смерть. Таким образом в самом сомнении достоверное, несомненное, безусловное всецело человека не покидает. И только потому человек может сомневаться и рассуждать. И ясно: не рассуждениями, не доводами разума постигается несомненное, так как сами рассуждения, сами доводы разума возможны только потому, что оно есть. Разум словно устремлен из несомненного вовне.

Таким образом с человеком соединено нечто несомненное и безусловное.

Учит. Какие же вы из этого делаете выводы?

От. С человеком неразрывно, хотя и не с одинаковою, а с непрерывно убывающею или возрастающею степенью полноты соединено несомненное и безусловное. Оно не может быть подвергнуто и никогда не подвергается сомнению, ибо сомнение устремляется из него, но не в него. Познается же оно не разумом, который всегда сомнителен и сомневается, а иначе. Благодаря несомненному становятся возможными разумная деятельность и сомнение, однако отнюдь не по отношению к нему. Это же несомненное и безусловное лежит в ос-

непознаваемое разумом, но лежащее в основе разумной деятельности и жизни и постигаемое

нове всей нашей деятельности и жизни; и расширение наше в деятельную жизнь есть расширение наше в нем и с ним; и непрерывное возрастание полноты его единства с нами. Безусловное не познается разумом и все-таки постигается. Оно постигается или познается верою, которую не следует смешивать с предположением или доверием, достоверности не дающим. Таким образом первая наша задача разрешена. — Нам удалось показать, что в основе всякого знания и даже сомнения лежит постижение несомненного или вера, которую мы низводим до степени доверия, когда верим без основания или когда не знаем, во что верим.

верою.

Учит. Вы называете верою познание несомненного?

От. Такое определение может оказаться опасным, так как само слово «знание» двумысленно. Оно означает и знание-веру и знание разумное. Но первое выше и глубже второго. Оно делает возможным и обосновывает второе. Поэтому лучше говорить не о знании-вере, а о постижении-вере, оставив слово «знание» для деятельности разума.

Вера есть постижение человеком абсолютно-го и такое

Учит. Мне все еще не вполне ясно отличие веры-постижения от знания разумного.

От. В разумном знании есть раз'единение познаваемого и познающего, что особенно очевидно в познании внешнего мира. Верующий же так соединен с постигаемым им, что, хотя они и различны, они и не раз'единены. Поэтому же, далее, в акте веры постижение не отделено от деятельности и жизни, а вера без дел, т. е. без деятельности, мертва. По качеству своему наиболее приближается к вере-постижению самосознание, почему оно наименее сомнительно. В моем собственном существовании сомневаться мне трудно, так как я сознаю себя существующим.

единство человека с ним, что разъединять их, как в знании, уже невозможно.

Учит. Об этом говорил еще Декарт.

От. Декарта вы помните, а славянофилов, которые писали о вере, забыли.

Учит. Отрицает ли вера разум?

От. Конечно, не отрицает. Ведь она его обосновывает. Поскольку знание разума несомненно, оно уже есть и вера.

Не отрицая разума,

Учит. Однако в обычном словоупотреблении и понимании вера есть признание истинным того, что еще не доказано разумом или что даже противоречит разуму.

От. Никогда вера разуму не противоречит.

вера ему не противоречит.

Учит. Как же не противоречит, если люди верили в драконов, в трех китов, на которых стоит земля?

От. Во первых, киты и драконы противоречат известным нам законам природы, а вовсе не разуму. Во вторых, это вовсе не та вера, о которой мы говорили. Это — необоснованное доверие, суеверие, предположение или, как говорили в древности, «мнение». Это, действительно, — признание достоверным того, что находится в пределах разумного доказательства и еще не доказано. Такой веры-доверия сколько угодно в научных теориях, где она часто (например — теория эволюции, гипотеза самозарождения) даже противоречит разуму. Но ее не следует смешивать с верой истинной, на которой покоится само знание.

Не противоречат разуму и догмы христианства

Учит. Но мало ли подобных же суеверий в области религии? И разве не противоречат разуму некоторые основные учения христианства, например — догматы Троицы и Боговоплощения?

От. Нимало. Они выше разума, но не противоречат ему, как все тело не противоречит руке, ноге, глазу. Можно показать, что, когда признается деятельность разума, необходимо признать и эти догматы. Противоречащими разуму они кажутся только для пристрастного или невнимательного человека. Так невежда признает противоречащим разуму и паровоз.

и даже наивные представления о Боге,

Учит. Но не превышают ли в этом случае разума и такие верования, как представление себе Бога в виде человеческого духа, или, даже, старца, на что указывал комсомолец? А с другой стороны, можно ли противопоставлять доверие, скажем научное доверие — вере, если вера лежит в основе самого разума?

как его символы и отражения.

От. Наивные представления о Боге в содержание веры не входят. Впрочем, в них всегда заключена большая или меньшая доля истины, а стало быть — и веры. Так истинно и входит в содержание веры, что Бог есть личное всеблагое существо. Но простой человек, способный мыслить лишь с помощью конкретных образов, может воспринять эту истину только как представление о личном человеческом духе или, даже, о старце. Подлинное содержание его веры — личное всеблагое существо; осознавая содержание своей веры, он в состоянии определить его только в связи с несовершенным и приблизительно отражающим всеблагое существо конкретным образом старца. Точно также и все разумное знание есть символическое выражение веры.

Учит. Тем не менее сам символ, сам образ старца являются представлениями ложными?

От. Почему? Они именно образы, действительное отражение Божества, которое всеблаго, т. е. благо так, что есть основа, начало и существо всякого конкретного

блага, в том числе — и образа ветхого денми благого старца.

Учит. — тараясь усвоить новое для меня понимание веры, я не могу не видеть в ней отрицания моей свободы.

От. Напротив, именно вера — то и свободна. Это разумное познание ставит человека в положение слепо и рабски принимающего то, что ему дано. Как вы не в силах не видеть того, на что смотрите, так же не в силах вы не подчиниться доказываемому разумом.

Вера свободна и свободнее разума

Учит. А в вере разве я могу отвергнуть постигаемое мною через нее?

От. Можете. Только это — смерть.

Учит. Но, если я уже верю, я тем самым подчиняюсь данному и недоказанному?

От. Предмет веры не доказывается (т. е. не доказывается разумом) потому, что он выше сомнения и в сомнительных доказательствах не нуждается. Но вместе с тем он и не принуждает, не лишает верующего свободы, так как его нельзя назвать данным. Ведь постигаемое верующим так соединено с ним, что есть и сам верующий. Поэтому можно сказать, что верующий как бы соучаствует в созидании того, во что верит.

В силу такого двуединства верующего с постигаемым, какого нет в разумном знании.

Учит. Вы хотите сказать, что предмет веры субъективен?

От. Да, нет же! Почему вас так смущает единство верующего с постигаемым? Вы видите эту тусклую электрическую лампочку и не сомневаетесь, что она есть сама по себе. А разве в ее свете, во всем, что вы, как ее, воспринимаете, и что есть ваши ощущения, нет ничего вашего: деятельности ваших нервов, вашей психической деятельности? Разве вы не слиты с нею в некоторое единство? И не то же ли самое наблюдается во всяком акте знания? И не раздвоены ли вы, с другой стороны, в акте вашего самосознания, хотя вы в нем и едины? Если даже разумное знание возможно и достоверно, т. е. надежно, а не бессмысленно, только в случае двуединства познающего с познаваемым, — почему двуединство не возможно в акте веры? А оно в нем больше и полнее, чем в акте знания. В акте знания раз'единенность преобладает над единством; и потому он сомнителен, и потому познаваемое в нем дано принудительно. В акте веры вся раз'единенность восполнена единством; и потому в нем нельзя говорить о данности, т. е. о принудительной данности. В акте веры я свободно стремлюсь к абсолютному и

настолько сливаюсь с ним, что нас уже нельзя раз'единять, пока не ослабела моя вера.

Учит. Где же все таки тут свобода?

От. Свобода в том, что я стремлюсь к абсолютному. Если оно, действительно абсолютно, — в нем все (иначе нечто иное, ограничивая его, делало бы его не абсолютным). Если в нем все, в нем и я, а вне его — я ничто, не существую. Если в нем я, в нем и мое стремление к нему. Если же так, то мое стремление к нему есть как бы и его стремление, как бы и оно само, т. е. ничем иным не ограничено, т. е. свободно. Оно создает меня и мое стремление, как свободу. Я не оно, но, если нас следует различать, нас нельзя раз'единять. Я — и одно с ним и отличен от него.

Учит. Как это возможно?

От. А как возможно, что вы существуете и знаете себя существующим? Весь вы — ваше существование, и весь вы — ваше сознание этого существования, и весь вы — и существование и сознание его сразу, но ваше существование не есть ваше сознание его.

Учит. Следовательно есть нечто высшее, чем я и абсолютное?

От. Это и есть само абсолютное.

Учит. В таком случае я — то же самое абсолютное?

От. Нет, вы — только творение его, человек.

Учит. Над этим я должен подумать... Но раз'ясните мне еще одно недоумение. — Фактически вера всегда является признанием чего-то сказанного другими, и верующие люди постоянно ссылаются на слова святых, на тексты свящ. Писания, одним словом — на авторитет. Авторитет же, согласитесь, не является доказательством убедительным.

От. Могу вам ответить на это. — Авторитету я доверяю, только предполагая, что он говорит истину. Это не освобождает меня от долга исканий и сомнений. Православная вера, в отличие от католической, не есть доверие к авторитету. В истинности того, что говорит авторитет, я еще должен «удостовериться» и удостоверяюсь непосредственно, хотя и соборно или церковно. Если, например, авторитет говорит мне, что Бог троичен в ипостасях, я, доверяя авторитету, ищу, сомневаюсь и стараюсь постичь это, пока не удостоверюсь, т. е. пока не поверю.

Учит. А если не удостоверитесь?

От. Пока не удостоверюсь, до тех пор не поверю. Но я сознаю слабость моего ума и немощь моей веры.

И эта свобода веры нимало не опорачивается доверием к авторитету.

Поэтому, из доверия к авторитету, я буду остерегаться категорически отвергать утверждаемое им. Так ведь и вы остерегаетесь решительно отвергать новую научную теорию, даже нелепую, если она высказана гениальным ученым.

Учит. Все у вас выходит так просто и гладко, что я начинаю недоумевать, почему же я сомневаюсь. Откуда мое сомнение, если я соединен с несомненным?

От. Вот это правильная постановка вопроса! — В объяснении нуждается не достоверность, а сомнение. — Когда человек сомневается, он уединяется, замыкается в себе самом. Тогда он словно сжимается и как бы (только как бы!) отрывается от полноты своей жизни и деятельности в мире. Сомнение связано с бездеятельностью: деятельные, активные люди сомневаются редко. Сомнение — ограничение себя в бездеятельном мудровании, часто в пустом резонерстве. Когда вы деятельно любите людей и деятельно «общаетесь» с ними, — тогда у вас нет сомнений в их существовании, нет и быть не может. Стоит вам «отойти» от людей и уединиться в себе, как сейчас же сжимается в оторванный комочек ваша жизнь и делаются возможными, и возникают сомнения, которым и конца нет. В уединении своем вы воспринимаете абсолютное и несомненное в очень обедненном виде — как индивидуально — ограниченное, как «собственно-ваше» сознание. Расширяясь в деятельную жизнь, замечаете, что расширяется и сфера несомненного. Сомнение столько же болезнь сознания, сколько болезнь воли.

Учит. При всей справедливости этих замечаний, вы, мне кажется, слишком преуменьшаете положительную сторону и ценность сомнения; а между тем без него нет и знания.

От. Я вовсе не хочу отрицать того, что сомнение полезно и необходимо. Надо сомневаться во всем, даже в учениях веры — «испытывать» их. Но не надо забывать, что сомнение («смерть») — только путь и средство. Через сомнение надо добиваться несомненного. Нельзя вечно пребывать в сомнениях и колебаниях, успокаиваться на них. Вы сами знаете, что это равнозначно отказу от деятельности и жизни. И я отрицаю такое, «бесплодное» сомнение, засохшую смоковницу, сомнение «статическое», а не сомнение как путь к истине или как прием искания ее разумом. Я утверждаю: необходимо преодолевать бесплодное сомнение, как болезнь и немощь, а преодоление его возможно только через преодоление собственной своей уединенности. Это

Выяснив же достоверность, легко объяснить и сомнение.

которое может быть и бесплодным и полезным и необходимым.

Бесплодное сомнение преодолевается верою и деятельною любовью,

не воображаемое, не мысленное только преодоление. Расширяясь, я действительно расширяюсь — действительно растет для меня со мною и во мне несомненное. Хочешь убедиться в существовании людей и узнать их — деятельно их люби. Хочешь узнать, есть ли Бог, — в деятельной любви к людям и миру деятельно люби Бога.

Учит. Как же мне Его любить, если я не уверен, что Он существует!

От. Если совсем его не знаете, если нет у вас ни малейшего ощущения Его, тогда деятельно любите людей: любовь к Богу вместе с уверенностью в Его бытии придет сама собой. Таков мудрый совет евангелиста Иоанна: «Любите друг друга, и тогда узнаете, что Бог есть любовь». Но в малой степени Бог соединен со всяким человеком — как абсолютное; и ложь, будто ктонибудь совсем Его не знает. Бытие Божие достовернее собственного нашего бытия. На необходимости же того, чтобы вера раскрывалась в делах, покоится особый род удостоверения в истине. — Как до некоторой степени мы убеждаемся в ней одним разумом, так же до некоторой степени — и одною деятельною любовью, не рассуждающею. Потому то праведники и являются для нас авторитетом. Они удостоверяют себе и нам истинность того, во что верят. Они словно указывают, где мы должны искать несомненное. — Мы ищем и убеждаемся, разумом ли — чрез сомнение, деятельною ли любовью — чрез реальное (а не воображаемое только) единение с ними.

Учит. А могут ли праведники ошибаться?

От. Конечно. И тот, кто обладает способностью разумно рассуждать, должен, обязан и разумом испытывать сказанное ими, сомневаться и проверять, пока не достигнет достоверности. Достигнет же он тогда, когда и познает ее разумно и постигнет ее деятельною в любви верою. Полнота достоверности в полноте осуществления истины, осуществления свободного.

Учит. Все это во многом очень удачно разрешает мои сомнения. Однако мне бы хотелось, прежде чем мы перейдем к дальнейшему, хорошенько все обдумать. Поэтому не отложить ли нам продолжение нашей беседы до завтра?

От. Прекрасно. — Времени у нас, слава Богу, достаточно, а час уже поздний.

3.

Учит. Обдумав вчерашний наш разговор, я готов в основном принять развитые вами взгляды. И мне ясно, что вы уже дали доказательство бытия Божь-

с чем связаны
необходимость
раскрытия веры
в делах и зна-
чение авторитета.

Данное даже в
сомнении безус-
ловное есть Бог.
Но

его. Разумеется, Бог и есть то несомненное и безусловное, что мы находим в нашем сознании и даже в самом нашем сомнении. Однако кое-что мне еще не вполне понятно. — Каким образом совершается скачок от субъективного сознания к объективному бытию? Несомненное является моим свойством, т. е. мною самим. Но сколь бы несомненною ни была моя мысль о чем-то безусловном, она от этого не становится еще объективною действительностью.

От. Удивляюсь, что после всего сказанного вы все еще считаете абсолютное и несомненное только вашею мыслью. Безусловное не безусловно, если оно — только ваша мысль, только вы; как оно не безусловно и в том случае, если оно и не вы. Когда я говорю, что внешний мир (или любой предмет внешнего мира) «есть», это «есть» не только мое «свойство», но столько же и «свойство» внешнего мира. Больше того — оно столько же сам внешний мир, сколько и сам я. Откуда иначе во мне уверенность в существовании внешнего мира, вообще — иного, инобытия? Откуда сама мысль об ином? Даже когда я утверждаю, что я сам существую («есть»), я утверждаю, что это существование или это «есть» больше и богаче, чем я. Потому я и ставлю вопрос, существую ли я; потому и могу усумниться даже в собственном моем бытии. Не так-ли? — Я — только одно из проявлений «бытия», под которое себя моим суждением «подвожу» или в которое им себя «включаю»; собственно говоря — лишь познавательно утверждаю мою в него включенность. Ведь мы живем не в мире теней и воображения, не в рахитическом мире болезненного скептика, но — в реальном, полнокровном бытии.

Бог отнюдь не субъективная мысль, а абсолютное бытие.

Учит. В этом случае получается какое-то странное соотношение между моим бытием и объективным бытием, которое оказывается и мною и не мною.

От. Так оно на самом деле и есть. И вы, видимо, немного запамятовали то, о чем мы говорили вчера. Присмотритесь к религиозному опыту. — Верующий, несомненно, постигает Бога и, следовательно, от Бога отличен. Не будучи отличным от Него, он бы не мог себя Богу противопоставить. Но верующий един с Богом, так как иначе у него бы не было уверенности, что он постигает Бога, т. е. что его вера в Бога есть и Бог в нем. Религиозный опыт возможен лишь при том условии, если есть двуединство Бога и человека. При том же самом условии возможно и достоверное знание о Боге, о мире, о всем существующем.

Бог двуедин с человеком, и это

Учит. Теперь я вполне отчетливо вспоминаю нашу вчерашнюю беседу. Но точно ли бытие Бога несомненно?

От. А как же иначе? — Мне помнится, что и об этом мы вчера говорили достаточно. Ведь мы не могли бы думать о сомнительном бытии, если бы не была двуединица с бытием несомненным, т. е. Богом.

двуединство
есть Богочеловечество.

Учит. Наконец, я вполне вас понял! — Вы показываете мне не только абсолютное бытие, но и абсолютное бытие, как Богочеловеческое. Двуединство мое с абсолютным бытием не что иное, как Богочеловечество. Не правда ли?

От. Конечно. Однако дело тут не только в моем двуединстве с Богом, но и в вашем, и в двуединстве с Богом, а чрез Него со мною и с вами, всякого человека, всех людей и всего существующего вообще. Богочеловечество есть всеединство с Богом и в Боге.

Учит. Не в этом ли смысле Христа называют новым Адамом?

От. Новым и единственно-истинным.

Учит. Сейчас только мне казалось все ясным и несомненным. А теперь опять меня волнуют сомнения. — Бог, с которым всеедин мир, представляется мне слишком отвлеченным, безжизненным. Разве в религиозном опыте Бог не более, чем что-то абсолютное и несомненное?

Но Бог не только отвлеченное „абсолютное“ и „несомненное“, а —

От. Бог есть это абсолютное и несомненное, но не только оно. Когда мы рассматриваем лишь знание, естественно, что мы воспринимаем Бога ограниченно — только как основу и существо знания, как Истину или Разум, Логос или Слово. Но ведь мы постигаем полноту конкретного бытия. А все конкретное, как бы мало оно ни было, в некотором смысле истинно и абсолютно существует, т. е. из Бога и в Боге. Бог поэтому есть основа, начало и полнота всего сущего, конкретного всеединства, хотя Он и больше его. Бог — начало и единство всякого личного бытия. Он — живая всеединая личность, как начало тварного личного бытия. Если мы помыслим эту полноту и Бога, как творца ее, — Бог перестанет нам казаться чем-то отвлеченным.

живая всеединая личность, начало мира. однако —

Учит. Кажется, что так.

От. вспомните еще то, что мы говорили о вере, как о полноте постижения. — Мало познавать Бога разумом. Надо еще деятельно любить Его. Тогда лишь постигается и становится несомненным личный живой Бог.

Учит. Не совпадает ли в таком случае Бог с человечеством или с миром?

От. Мир и человечество не Бог, хотя от Него и в Нем, как в Богочеловеке. Если бы человечество было Богом, не было бы их взаимоотношенности: ни знания, ни религиозного опыта, ни веры. Кроме того человечество и мир не Бог уже потому, что они — бытие относительное, зависимое, обусловленное. Они изменяются: возникают, растут, погибают. Во всякое мгновение нечто к ним прибывает и нечто в них убывает. Очевидно, что-то приходит в них извне, так как сами они не могут создать того, чего в них еще нет. Откуда же извне, как не от бытия безусловного, т. е. от Бога?

не мир, созданный им из ничего.

Учит. Никогда бы не подумал, что христианское учение можно изложить с такою убедительностью! Мне становятся понятными и смысл Богочеловечества и смысл творения из ничего. Ибо эта прибавка к уже существующему нового, ранее в нем не бывшего, разумеется, и есть творение из ничего. Ведь надо допустить, что сначала дается само бытие, как таковое, и я знаю, что когда то меня совсем не было.

От. Конечно, хотя напрасно вы приписываете мне искусство изложения. Вникните в Символ Веры. — Вы придете к тем же выводам и увидите, что в нем все изложено несравнимо проще, яснее и убедительнее, чем мог это сделать я. Почитайте творения отцов и учителей Церкви — я не говорю уже об Евангелии. — Все, о чем мы говорили, покажется вам очень приблизительным и малым, детским лепетом. Вчера мы касались вопроса об «авторитете». Теперь вы сможете оценить всю правду моих слов. Но, мне думается, вы немного поспешили. — Вы считаете христианскою истиной очень малое приближение к ней. Повидимому, вы предполагаете, что Богочеловечество есть только двуединство Божьего с человеческим, абсолютного с относительным в каждом человеке и во всех людях?

Хотя Богочеловечество есть всеединство людей с Богом,

Учит. Это вытекает из всего нами сказанного.

От. Кого же вы считаете Богочеловеком? всякого человека, в том числе и себя?

Учит. Думаю, что так.

От. Не лучше ли тогда говорить о бесконечном множестве Богочеловеков, а не об одном Богочеловеке?

Учит. Пожалуй. По крайней мере, так я Богочеловечество понял.

От. Но это еще не христианское понимание Богочеловечества. Таким «христианином» может быть любой иудей, всякий религиозный человек. А между тем

нельзя говорить о множестве Богочеловеков,

ибо Бог один,
чему

не против
речит само Бого-
человечество.

сказать, что Богочеловеков множество, — все равно, что признать множество богов. Бог же один. Допущение множества богов — бессмыслица. Если богов много, ни один из них не есть бог и совсем нет Бога. Ведь тогда каждый Бог ограничивает, обуславливает всех других, а все они его обуславливают, т. е. нет безусловного, абсолютного существа.

Учит. Однако вы сами говорите о Богочеловеке, как о Боге и человеке. Следовательно, вы должны признать, что человек обуславливает, ограничивает Бога и что Бога нет. Как же это так?

От. Богочеловечество не двойство Бога с человеком, а истинное их двуединство. Поэтому здесь нельзя говорить о принудительной данности человека Богу или Бога человеку. С другой стороны, человек ограничивал бы Бога, будь человек чем-то, самостоятельным бытием. Но он — творение Божье, т. е. перед Богом — ничто. Бог творит человека из ничто, как вы сами усмотрели. Человек без Бога и вне Бога не существует, хотя в Боге и с Богом он не Бог. Но «ничто» Бога ограничивать не может, т. к. «ничто» не существует.

Учит. Все таки, если человек не есть Бог, он в каком-то смысле и существует.

От. Весь вопрос, в каком. Не смешивайте безусловного бытия с обусловленным. — Бог создает человека из ничто, и человек, как человек, в ничто и возвращается. Перед Богом бытие человека — ничто. Но этого самого ничтожного человека Бог соединяет с Тобою, обожает, делает человеком в Богочеловеке. Помните, что мы вчера говорили по поводу двуединства? — Есть высшее, чем Бог и человек, но это высшее и есть Бог.

Учит. Помнить-то помню, да плохо вас понимаю.

От. Христианская истина не легко дается горделивому разуму, хотя она доступна наивной вере ребенка. Поймите смысл относительного, условного своего бытия, поймите до конца свое «ничтожество», возгордитесь своим смирением. Тогда христианская истина станет для вас ясною и легко приемлемою, бременем удобоносимым. Обратитесь к религиозно-церковному опыту и вникните в учение Церкви о единой Ипостаси или Личности Иисуса Христа. А пока поверьте, что в Церкви ваших недоумений не существует, что для церковного сознания человек не ограничивает своего Творца. Допустите это хоть временно, как предположение, для того, чтобы жизнью веры потом удосто-

вериться. Ведь не разговоры же делают человека христианином.

Учит. Хорошо. Не станем пока углубляться в этот вопрос. Но простите меня — мы, кажется, отвлеклись в сторону, и я потерял нить беседы.

От. Мы говорили о том, что человек не ограничивает Бога, так как нет человека вне Бога и без Бога, а в Боге человек с Богом двуедин. К ничтожеству же человека нас привело утверждение, что Бог, как существо абсолютное, один. Если же Бог один, то один и Богочеловек, а не множество Богочеловеков.

Учит. Да! Теперь вспоминаю... и мне представляется возможным найти выход из вставшего перед нами затруднения. — По стороны Бога Богочеловек один; со стороны людей — Богочеловеков множество. Иными словами, Богочеловек является одним Богом и множеством людей.

От. Выход не совсем достаточный. Во первых, раз множество существует, начало его тоже в Боге. Во вторых, Богочеловек один не только как Бог, но и как человек. Все люди составляют реальное единство одного человечества, одного Человека, хотя это единство не отрицает их множества, но содержит его в себе. Из этого единства можно заключать к Богочеловеку, как единому Человеку.

Учит. Как к всеединому человеку?

От. Именно. Богочеловек един так, что выражается во многих людях и что они в Нем — один Человек; все они и каждый из них. Но не торопитесь с выводами: сегодня вы отличаетесь необычно поспешностью. Скажите, как по вашему: одинаково ли все люди являются Богочеловеком или нет?

Учит. Я думаю, что не одинаково, но — одни больше, а другие меньше.

От. А может ли быть и есть ли во всем бытия человечества, еще не кончившемся, один индивидуальный человек, который бы более всех прочих людей был Богочеловеком?

Учит. Думаю, что да; и, пожалуй, я мог бы подтвердить мой ответ ссылкой на авторитет Лейбница. — Мир так разнообразен, что в нем нельзя найти двух одинаково совершенных людей. По крайней мере, мое предположение в высокой степени вероятно.

От. Это можно философски доказать. Значит, принципиально вы согласны допустить, что Иисус Христос мог быть самым совершенным Богочеловеком?

Учит. Он мог им быть; но я не знаю, был ли на самом деле. Ибо, даже допуская, что доныне Он —

Нельзя также сказать, что Богочеловек один, как Бог, и множествен, как человек.

Он - всеединый человек.

Но хотя все люди в некоторой степени Богочеловек, они — Он в разной степени, и есть один Богочеловек преимущественно, Иисус - Христос.

самый совершенный из всех людей, а не только из известных нам, возможно, что явится другой, еще более совершенный.

От. Если наши рассуждения о вере правильны, вы сможете разрешить этот вопрос в полноте церковного религиозного опыта. В отвлеченной форме, т. е. по возможности не думая об Иисусе, его и ставить не стоит. Но и доводами разума можно опровергнуть одно ваше заблуждение.

Учит. Какое именно?

От. По определению Церкви — арианское. — Вы согласны допустить, что Иисус Христос преимущественно перед всеми людьми Богочеловек по степени Своего совершенства. По вашему, Он отличается от прочих людей количественно, а не качественно. Может быть, вы поставите Его в один ряд с Буддой, Зороастром, с другими «великими посвященными», как говорят разные там оккультисты и теософы.

Учит. Пожалуй.

От. Но это как раз и есть арианская ересь. Иисус Христос отличен от других людей по Своему Богочеловечеству не только количественно, а и качественно. Он — единственный истинный и первичный, если можно так сказать, Богочеловек, перворожденный и первородный. Все другие люди — Христос и Богочеловек только вторично: после Иисуса и чрез Иисуса. Иисус Христос — как бы сосредоточие, из которого начинается обожение человеков и в котором все становится единым Богочеловеком. Таково учение Церкви.

Учит. Вы его только излагаете, а не доказываете.

От. Вне Церкви и вне церковного опыта его доказать, мне кажется, и нельзя. Самое большее, если можно указать на некоторые важные его следствия, т. е. сделать его для неверующего и не церковного человека вероятным.

Учит. Странное появилось у меня чувство. — Я очень хорошо понимаю, что не все доступно человеческому разуму и что, может быть, для человека верующего смирение и сознание своего бессилия являются необходимыми и естественными. Но мне вдруг стало как-то обидно за религию, что в ней нечто недоказуемое и, следовательно, нисшее, чем разумное знание.

От. Недоказуемое не значит еще нисшее. Недоказуемое для разума может быть несомненным для веры. Впрочем, я, кажется, и не утверждал, что первородство Иисуса Христа недоказуемо. Я говорил лишь, что оно недоказуемо вне церковного опыта. Попробуй-

Иисус же по Богочеловечеству и по человечеству своему отличается от прочих людей не только количественно,

а и качественно — как первородный Сын Божий.

тесъ углубиться в богословие, в догму Православия. Вы найдете доказательства, убедительные даже для разума.

Учит. Не можете ли вы все же дать хоть некоторый намек на доказательство того, что вы называете первородством Иисуса Христа?

От. Мне представляется это неплодотворным. Впрочем, если хотите, обращаю ваше внимание на следующее. — В своем познании, которое всегда есть его индивидуальное (хотя и не только) познание, человек стремится к безусловной достоверности. Равным образом человек не хочет и боится утратить свое индивидуальное бытие, т. е. хочет, чтобы оно обладало безусловным значением. Иначе говоря, человек стремится к индивидуальной бессмертию. Раз это стремление его не суетно и не бессмысленно — а может ли он без него существовать? — индивидуальное человеческое знание и индивидуальное человеческое бытие должны быть абсолютно обоснованными. Но абсолютное обоснование и есть обожение. Значит, человеческая индивидуальность, как одна из многих, обожена, т. е. человек Иисус обладает абсолютным, Божественным значением.

Этим он обосновывает индивидуальное знание и бытие,

Учит. Почему же такое обожение индивидуального бытия и знания не может быть достигнуто тем, что единый Бог по человечеству Своему соединен со всеми индивидуумами?

От. Потому, во первых, что тогда индивидуальное т. е. необходимо и множественное, бытие остается вне Бога или не существует. Потому, во вторых, что обоженность индивидуального бытия, как такового, есть обоженность одного индивидуума из многих. Сама индивидуальности, принцип индивидуальности — единственность и единичность. Потому, в третьих, что только чрез обоженность одного и «первого» из всех возможны единство и обоженность всех. Иначе бы получилось не всеединство, а множество без достаточного единства.

и всеединство в нем.

Учит. Над этим надо подумать. Раз'ясните только мне еще одно недоумение. — Вы рассуждаете так: если мое индивидуальное бытие обладает абсолютную ценностью, один и только один человек является Богочеловеком первично и преимущественно. Допустим, что ваш вывод правилен. — Подобным же образом рассуждал в свое время Кант: «если наука достоверна, то моя, кантовская, теория правильна». Однако многие, и не без основания, предлагают заменить Кантовскую

теорию другой. Является ли вера в Иисуса, как «перворожденного» человека, единственным обоснованием бытия, и нет ли какихнибудь иных возможностей?

От. Укажите их. Уверен, что нет. — Вопрос поставлен в самой общей форме.

Учит. Это еще не все. Канту бы я сказал, что не знаю, достоверна ли наука и нужна ли ее достоверность. Чем доказано, спрашиваю я вас, что указанные мои стремления действительно должны осуществиться? Возможно, что абсолютная ценность их не более, чем иллюзия.

От. Вы опровергаете это фактом вашей жизни и деятельности, аналогично тому, как так же утверждаете достоверность. Вы можете оправдать абсолютность и осуществимость этих ваших стремлений верою. — Другой стороны, откуда они у вас появились? Откуда взялась идея абсолютного значения индивидуальности и личного бессмертия?! Не сами же вы ее изобрели! Ваши стремления есть уже смутное восприятие Богочеловека Иисуса и вашего отношения к Нему. Только благодаря ему и чрез Него они возможны. Не ссылайтесь на иллюзии. Иллюзия всегда предполагает действительность. Иллюзия всегда — иллюзия действительности. Лучше всего — подумав хорошенько об этой природе иллюзии, прочтите Евангелие и вникните в самосознание Иисуса Христа. Вам тогда станет ясным: сознание себя истинным Сыном Божиим необходимо предполагать, что такой истинный Сын Божий есть. Не думаю, чтобы вы смогли хотя бы на мгновение допустить, что Иисус Христос был лжецом. А если он не лжец, Он — истинный Сын Божий, перворожденный и единственный из людей. Подумайте об ужасе для каждого из нас ощутить себя истинным Сыном Божиим — вы поймете «преславное таинство».

Учит. Иисус таким образом качественно отличен от всех людей. Что же Он, человек или Бог?

От. Богочеловек, т. е. истинный Бог и истинный человек, а по человечеству — первый. Это, мне думается, можно несколько пояснить. — Богочеловеческое сознание есть сознание себя Сыном Божиим. Иисус — перворожденный не по времени только, а и так, что Его рождение от Бога, «от Духа Святого» и по человечеству делает возможным и начинает наше рождение от Бога. Бог рождает нас к Богочеловеческому бытию во Христе Иисусе и чрез Христа Иисуса. Иисус — единственный путь от Бога к человеку и от человека к Богу. Представьте себе большой род, все члены которого

Об этом свидетельствует самосознание Иисуса.

Иисус — истинный человек и истинный Бог, Сын Божий, чем

произошли от одного праотца. Возможен ли этот род, если нет праотца? — Так же невозможен единый Богочеловеческий род, или нет Иисуса. Но чрез Иисуса люди достигают полноты Богочеловечества. Следовательно, в Нем полнота истинного человечества, как и полнота истинной Божественности.

не разрушается
единобожие, так
как единый Бог
трончен в Ипо-
стасях.

Учит. Еще одно. — Не разрушает ли полнота Божественности Иисуса Христа, как Сына Божьего и потому не Отца, единобожия? Нет ли здесь ограничения единого Бога?

От. Христианство отвечает вам учением о Троице. Оно не единобожие и не вера в трех богов, что, действительно, было бы бессмыслицей, но вера в Троицу, единосущную и нераздельную.

Учит. Вижу, что для уразумения христианства необходимо тщательное и самостоятельное углубление в него. Так, в беглой беседе, всего не обдумаешь и не оценишь.

От. Не забывайте только, что углубление в христианство прежде всего есть рост христианской веры. Чисто теоретическим путем оно недостижимо. И не бойтесь. — Самостоятельность и свобода не исключают, а требуют единства с Иисусом Христом и со всеми истинно верующими в Него, потому что и сам Он с ними един. Единство же это — Тело Христово или Православная Церковь. Она не хочет вашего слепого подчинения, вашего отказа от свободы исканий и сомнений. Она ждет вашего свободного преуспевания в вере и свободного по мере ваших сил вхождения в нее.

Л. П. Карсавин

КН. Н. С. ТРУБЕЦКОЙ
ЕВРОПА И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

Россійско-болгарское книгоиздательство — Софія, 1920.

ИСХОДЪ КЪ ВОСТОКУ

Утвержденіе евразійцевъ — книга первая.

Софія — 1921 годъ.

Статьи: Петра Савицкаго, П. Сувчинскаго, кн. Н. С. Трубецкого и Георгія В. Флоровскаго.

НА ПУТЯХЪ

Утвержденіе евразійцевъ — книга вторая.

Книгоиздательство Геликонъ — Берлинъ, 1922 годъ.

Статьи: П. М. Бицилли, А. Карташева, Петра Савицкаго, П. Сувчинскаго, кн. Н. С. Трубецкого и Георгія В. Флоровскаго.

РОССІЯ И ЛАТИНСТВО

Сборникъ статей.

Евразійское книгоиздательство — Берлинъ, 1923 годъ.

Статьи: П. М. Бицилли, Георгія Вернадскаго, В. Н. Ильина, А. В. Карташева, Петра Савицкаго, П. Сувчинскаго, кн. Н. С. Трубецкого и Георгія В. Флоровскаго.

ЕВРАЗІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

Книга третья.

Евразійское книгоиздательство — Берлинъ, 1923 годъ.

Статьи: Н. Арсеньева, Петра Савицкаго, П. Сувчинскаго, кн. Н. С. Трубецкого, М. Шахматова и Якова Садовскаго.

ЕВРАЗІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

Книга четвертая.

Евразійское книгоиздательство — Берлинъ, 1925 годъ.

Статьи: Г. Вернадскаго, В. Ильина, Л. Карсавина, П. Савицкаго, кн. Д. Святотополькъ-Мирскаго, Я. Садовскаго, В. Сеземана, П. Сувчинскаго, кн. Н. Трубецкого и М. Шахматова.

А. С. ХОМЯКОВЪ

О ЦЕРКВИ

съ примѣчаніями и предисловіемъ Л. П. Карсавина.

Евразійское книгоиздательство — Берлинъ 1925 годъ

С. Л. ФРАНК

РЕЛИГИЯ И НАУКА

Евразійское книгоиздательство — Берлин, 1925 год.

Склад издания :
Акц. об-о „МОСКВА“
Berlin S W 48, Wilhelmstr. 20.